

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

Н. А. Дулина

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА (ЛЯИХА) МУСТАФЫ РЕШИДА ПАШИ
СУЛТАНУ МАХМУДУ II

Еще в период греческого восстания (1821–1827) султан Махмуд II был убежден, что в решении всех политических проблем Османская империя должна следовать традиционной политике дипломатической изоляции¹, при которой она чуждалась постоянных дипломатических контактов, основанных на регулярной взаимной информации и координировании своих действий в текущей политике с иностранными государствами.

Политика изоляции, утвердившаяся в период турецких завоеваний, основывалась на представлении о военном, экономическом и религиозном превосходстве Османской империи над европейскими странами. Впоследствии, в период упадка могущества Турции, она продолжала следовать установившимся традициям².

Восстание губернатора Египта Мехмеда Али, требовавшего у султана вначале присоединения к его владениям Сирии и захватившего ее, привело к военному столкновению и разгрому силами мятежного вассала армии султана в декабре 1832 г. Сын Мехмеда Али – Ибрагим захватил Конью и Кютахью, что открыло ему путь на Стамбул. В этот критический момент султан не получил помощи ни от одного из европейских государств, кроме России, которая оказанием помощи рассчитывала усилить свое политическое влияние в Османской империи. Россия не желала иметь своим соседом более сильного Мехмеда Али, предпочитая слабую султанскую Турцию.

Прибытие русской эскадры в проливы и высадка русского десанта на азиатском берегу Босфора в местечке Хюнкяр Искелесси вызвали сильное беспокойство западноевропейских держав, которые опасались, что Россия захватит Стамбул и проливы. В этот период особенно ясно обнаружилась крайняя заинтересованность европейских держав в положении дел на Востоке. Западноевропейские послы не жалели ни времени, ни сил, для того чтобы добиться ухода русского десанта. Под их влиянием Махмуд II согласился на заключение Кютахийского соглашения с Мехмедом Али, которое содержало большие территориальные уступки со стороны султана. Это делало мир непрочным, он не удовлетворял ни султана, ни Мехмеда Али и содержал в себе зародыш будущих столкновений: султан хотел вернуть Сирию, Мехмед Али – добиться формальной независимости в виде наследственной передачи власти в его семье (фактической независимостью он обладал), а также сохранения Сирии под своим управлением. Последующее, подготовленное втайне от западноевропейских держав заключение русско-турецкого Хюнкяр-Искелессийского договора 26 июня (8 июля) 1833 г., по которому военная помощь России султану могла быть вновь оказана по его просьбе и по которому султан обязался закрыть проливы для военных судов всех стран, еще больше усилило противодействие Англии и Франции русской восточной политике.

Турецкие государственные деятели поняли, что они могут использовать соперничество великих держав для того, чтобы добиваться дипломатическим путем политических целей, достичь которых военными усилиями они уже не могли из-за слабости государства.

Несмотря на то что Хюнкяр–Искелесийский договор был заключен по инициативе Порты³ и принес Османской империи ощутимые выгоды (так как Россия стремилась укрепить свое влияние в Османской империи и потому шла ей на значительные материальные уступки⁴), он не вполне удовлетворял Порту.

Отказ России весной 1834 г. оказать султану военную помощь против Мехмеда Али в период сирийского восстания, предупреждение России о том, что помощь будет оказана лишь в том случае, если султан подвергнется агрессии со стороны Мехмеда Али, разочаровали Порту⁵.

Так как принудить Мехмеда Али к повиновению своими силами султан не мог, ему нужна была военная поддержка какой-либо европейской державы. Сложность положения для Порты заключалась и в том, что в 30-е годы XIX в. все европейские державы, еще недавно перенесшие ряд революционных потрясений, боялись каких-либо военных осложнений на Востоке, могущих вызвать новые революционные взрывы в Европе. Эта боязнь привела к тому, что европейские кабинеты в течение многих лет подавляли все попытки как султана, так и Мехмеда Али изменить существующее положение, утвержденное Кютахийским соглашением 1833 г. Поэтому султан Махмуд в 1834 г. приступил к учреждению постоянных турецких посольств в европейских столицах, чтобы добиться благоприятного разрешения турецко-египетского конфликта. Его побуждала к этому и надежда вернуть Алжир, оккупированный Францией в 1830 г.⁶, а также и другие внешнеполитические затруднения, для ликвидации которых Порта рассчитывала использовать соперничество европейских держав и добиться дипломатической поддержки. Однако важнейшей проблемой для Порты в 30-е годы XIX в. был турецко-египетский конфликт⁷.

История турецкой дипломатии малоизвестна, ее изучение на основе турецких источников лишь начинается. Если усилиям османской дипломатии, предпринимавшимся с целью вернуть Алжир, посвящено специальное исследование турецкого историка Э.Курана⁸, то о том, что она предпринимала для разрешения египетской проблемы, особенно в период до 1838 г., почти ничего не известно.

Турецкие документы, связанные с жизнью и деятельностью известного османского государственного деятеля, дипломата и инициатора реформ Танзимата, автора Гюльханейского хатта Мустафы Решида паши, издаются Решадом Кайнаром⁹, содержат важные сведения, касающиеся турецко-египетского конфликта. Среди них немаловажное значение имеет докладная записка министра иностранных дел Турции Мустафы Решида паши, перевод которой здесь публикует я.

Турецко-египетский конфликт, ставший благодаря вмешательству европейских держав, международной проблемой, нашел отражение в большом количестве исследований и опубликованных источников. Но везде он освещался в основном как конфликт европейских держав из-за Османской империи, в котором позиция Порты и Мехмеда Али уделялось мало внимания. Роль Порты в период конфликта представлялась в этих исследованиях пассивной и зависимой. Между тем турецкая дипломатия прилагала серьезные дипломатические усилия для его разрешения, которые заслуживают специального исследования, а также поисков и публикации всех документов, связанных с этим вопросом.

Публикуемый перевод докладной записки (ляхи)¹⁰ министра иностранных дел Мустафы Решида¹¹ султану Махмуду II показывает, что ее автор

был уверен в реальной возможности получить военную поддержку Англии в подавлении бунта Мехмеда Али.

Как показывают дальнейшие события, в основных чертах его расчеты были удачно реализованы, так как основывались на глубоком знании международных отношений тех лет. Между тем еще совсем недавно, например в годы, предшествовавшие завоеванию Алжира Францией, т.е. когда Турция придерживалась политики изоляции, османская дипломатия такой компетентностью не обладала¹².

В 1836 – 1837 гг. Порты сделала вторую после 1832 – 1833 гг. попытку склонить Англию оказать султану поддержку для возврата Сирии, захваченной Мехмедом Али¹³.

Пальмерстон вначале отклонил предложение Порты, но сказал, что надеется видеть Турцию более сильной для отнятия Сирии¹⁴. А через полгода он не только не говорил об опасности нового турецко-египетского вооруженного столкновения, но, напротив, стал уверять Мустафу Решида в неременной победе армии султана, после ее необходимого укрепления, над силами Мехмеда Али и предсказывал в результате этой победы повышение международного престижа Порты¹⁵. Изменение акцентов в высказываниях Пальмерстона можно было расценивать как побуждение к войне и обещание помощи. Такой позиции Англии и добивалась Турция. У Порты появилась надежда на заключение англо-турецкого военного договора против Мехмеда Али.

В 1837 г., как отмечает Д.Г.Розен, появился призрак англо-турецкой коалиции¹⁶. Назначение Мустафы Решида на пост министра иностранных дел подтверждало этот прогноз¹⁷.

Помимо основного тревожившего Порту вопроса – турецко-египетского конфликта, Мустафа Решид касается в докладной записке и другой проблемы – оккупации Францией Алжира в 1830 г., отношения к ней европейских держав и политики Порты в этом вопросе.

Докладная записка Мустафы Решида дает возможность посмотреть на сложные международные проблемы тех лет глазами турецкого дипломата.

Четвертая по объему часть записки является изложением высказываний о внешнеполитических проблемах тех лет таких государственных деятелей, как Пальмерстон, Меттерних, австрийский посол в Англии князь Эстергази, заведующий протокольным отделом министерства иностранных дел Франции Дизас, Три четверти объема докладной записки написаны Мустафой Решидом от собственного имени. Здесь остановимся более подробно на второй части, которая может рассматриваться и как итог его трехлетней дипломатической деятельности в качестве посла в Париже и Лондоне (1834–1837) и как предстоявшая программа, которой, по мнению Мустафы Решида, должна была отныне следовать Порты во внешней и отчасти внутренней политике.

Мустафа Решид обратил внимание султана на наличие в Европе двух политических группировок великих держав, на отношение их к враждующим сторонам в турецко-египетском конфликте – к Мехмеду Али и султану, а также к алжирской проблеме и попытался предсказать будущее развитие этих отношений.

Документ насыщен фактами, свидетельствующими о взаимном, более всего – англо-русском, соперничестве европейских держав в Османской империи. Мустафа Решид передал слова Пальмерстона, из которых следовало, что Англию в то время очень беспокоило влияние России на султанское правительство, в основе которого лежал Хюнкяр-Искелесский договор 1833 г. Поэтому Пальмерстон, с одной стороны, пытался внушить недоверие к России из-за возможности ее агрессии в земли Османской империи, с другой – обещал помощь английского флота против России в случае осуществления агрессии, а также помощь в укреплении военных крепостей на Босфоре.

Докладная записка свидетельствует о том, что Мустафа Решид был сторонником английской ориентации и явным противником русской. Турецкий дворцовый этикет или, может быть, еще недостаточно прочное положение нового министра, знавшего к тому же о наличии при дворе влиятельных сторонников России¹⁸, не дали ему возможности высказаться вполне определенно по этому поводу, но его внешнеполитическая позиция в этом документе прослеживается четко. По-видимому, султан Махмуд в этот период еще колебался в вопросе об отношении к России и не был уверен в том, что Англия решительно встанет на его сторону. В докладной записке чувствуется стремление Мустафы Решиды склонить султана разделить его убеждения и планы.

Англия, как выяснилось в 40-е годы XIX в., не прочь была присоединить к своим владениям Египет¹⁹, но это намерение было ориентировано в неопределенное будущее. На другие территории Османской империи Англия в те годы не претендовала и ее правительство большей частью вело антирусскую и антифранцузскую политику на Востоке, последняя особенно была в интересах Османской империи. Англия стремилась сохранить целостность Османской империи, чтобы целиком подчинить ее своему влиянию. Сохранение целостности, естественно, соответствовало интересам султанского правительства. Мустафа Решид выразил уверенность, что Англия окажет военную поддержку султану против Мехмеда Али. Он подсказывал султану, что помощь Англии будет небескорыстной, так как внешнеполитические интересы Англии и России сталкиваются в Египте и далее в Иране и Индии²⁰.

Мустафа Решид отмечал в яляхе, что Россия поддерживает Мехмеда Али. Это утверждение, как известно, было справедливо лишь частично. После Адрианопольского мира (1829) Россия считала выгодным для себя иметь соседом слабую Турцию²¹. Поэтому на протяжении всего конфликта она проявляла равнодушие к территориальному урегулированию между султаном и Мехмедом Али²². Поддержка, таким образом, состояла в том, что Россия была заинтересована в сохранении существовавшего положения и не оказала султану военной помощи для возврата захваченной Мехмедом Али Сирии. Однако здесь необходимо добавить, что такая позиция России была обусловлена прежде всего опасением перед обострением отношений с Англией и Францией, которые постоянно заявляли о том, что не допустят нового вооруженного вмешательства России в турецко-египетский конфликт. Мустафа Решид писал султану, что эта поддержка может привести к отделению Египта и подпадению его под власть России. По мнению Мустафы Решиды, это явилось причиной острой неприязни к ней Англии, так как, владея Египтом, Россия могла бы завоевать Персию и Индию²³. Более того, Мустафа Решид даже высказал некоторого рода удовлетворение тем, что Мехмед Али оказывал доверие Франции, а не Англии и России²⁴. Представляет интерес тот факт, что в донесениях Мустафы Решиды и в докладной записке нигде не встречаются признаки враждебного отношения к политике Франции в Египте. Вместе с тем Порты была хорошо осведомлена о поддержке Францией Мехмеда Али²⁵. Такую позицию можно объяснить тем, что союз Мехмеда Али с более могущественными державами, чем Франция, был бы и более опасен для целостности Османской империи. Это можно объяснить и стараниями Англии усилить франко-русские противоречия, вызванные Хюнкяр-Искелесийским договором, и упредить совместное с Францией сопротивление русской политике на Востоке. Французское правительство, страшась "русской опасности", не могло идти на обострение отношений с Англией", – отметил В.А.Георгиев²⁶. Размеры же "русской опасности" Англия сознательно преувеличивала как в глазах Франции, так и Порты²⁷. Судя по турецким документам, обращает на себя внимание тот факт, что государственные деятели Англии до 1839 г. почти нигде не говорили с представителями Порты

только о своей позиции в восточном вопросе, но непременно и о солидарности с ними Франции²⁸. Они как бы внушали этим Порте, что поддержка Мехмеда Али Францией не опасна для султанской Турции, так как чрезвычайно велик франко-русский антагонизм и он не позволит Франции ослабить Османскую империю. В результате Франция в глазах Порты делалась больше ее союзницей, чем противницей.

Докладная записка заставляет думать, что Англия не считала политику Франции в Египте в 30-е годы XIX в. достаточно опасной для целостности Османской империи в том случае, если Франция останется противницей России.

Однако Мустафа Решид не вполне доверял высказываниям Пальмерстона о прочности франко-английской коалиции. Он заметил, что некоторые пренебрежительные выражения лорда Пальмерстона о Франции, а также информация, полученная им от членов французского парламента о наличии в нем сторонников России, свидетельствуют о возможности франко-русского сближения. Этот прогноз, по мнению Мустафы Решиды, подтверждали и взаимные недружелюбные отзывы английских министров о Франции и французских об Англии. Но он отмечал, что король Франции демонстрировал ему свое расположение и дружбу к султану, а также и к самому Мустафе Решиду и выразил надежду, что разногласия из-за Алжира не омрачат отношений двух стран. По-видимому, Порта, со своей стороны, в период турецко-египетского конфликта стремилась упрочить франко-английские отношения в ущерб франко-русским. К этому выводу приводит инструкция турецкому послу во Франции, составленная в сентябре 1841 г. Послу вменялось в обязанность способствовать упрочению дружественных отношений Англии и Франции, так как эта дружба полезна Османской империи²⁹.

В докладной записке, большое внимание уделено распространявшимся в те годы слухам о намечавшемся сближении России и Франции. Подобный союз, если бы он осуществился, таил в себе огромную опасность для Османской империи. Он не был реализован из-за личного предубеждения Николая I к французскому королю Луи-Филиппу – "королю баррикад" и из страха перед французской революцией³⁰. "Невозможное в настоящем, это совокупное действие тревожило и пугало их (Англию и Австрию) в будущем, так как неминуемым результатом его было бы, по мнению лорда Пальмерстона, распадение Турецкой империи на два отдельных государства, из коих одно, Египет с Сирией и Аравией, впало бы в зависимость от Франции, а другое, то есть европейская Турция с Малой Азией, стало бы сателлитом России"³¹. Позднее, в одном из своих донесений из Парижа, написанных в 1839 г., Мустафа Решид заметит, что среди депутатов Национального собрания Франции происходят длительные дискуссии о восточном вопросе и некоторые сторонники России говорят, что завоевание Османской империи Россией невыгодно только Англии, а не Франции, и что в случае союза с Россией Франция сможет расширить свои границы на Рейне и на границе с Бельгией³². Это донесение также подтверждает, что опасения Мустафы Решиды о возможности русско-французского сближения в 30-е годы XIX в. имели основания. Поэтому в докладной записке Мустафа Решид написал: "Одна из самых давних задач турецкого посольства в Париже состоит в том, чтобы... постоянно осуществлять весомые и тайные меры (препятствующие сближению Франции с Россией)"³³.

Наличие наметившегося франко-русского сближения в 40-е годы XIX в. отметила советский исследователь Е.Н.Кушева: "Несмотря на всю разницу государственного устройства послереволюционной Франции и монархической России, во французской публицистике 40-х годов очень заметно было течение, доказывавшее необходимость русско-французского союза против Англии". В появившихся в те годы некоторых французских книгах содержались аргументы в пользу такого союза, уже упоминавшиеся в докладной записке Муста-

фы Решида 1837 г. Те же тенденции были заметны и в русской политике николаевского царствования, направленные против Англии, что нашло отражение также в русской литературе³⁴.

На протяжении всей записки Мустафа Решид шесть раз упомянул о существующей опасности русско-французского сближения, считая его и египетский конфликт самой серьезной угрозой для Османской империи.

Хотя Мустафа Решид не доверял николаевской России, но вместе с тем он стремился идти ей на уступки и не портить отношений вплоть до спора о "священных местах", предшествовавшего Крымской войне.

Анализируя политику всех великих европейских держав (Англии, Франции, России, Австрии и Пруссии), турецкий министр иностранных дел рассматривал ее в связи с политикой своего государства. Он считал своим долгом познакомить султана и Порту не только с настоящим положением дел, но и в некотором роде с историей европейских внешнеполитических отношений. Он представил султану также все возможные политические комбинации европейских держав в ближайшие годы, для того чтобы по возможности избежать ошибок при выборе политической ориентации, иметь возможность следить за изменениями и колебаниями политических курсов и своевременно к ним принаравливаться. Турецкий дипломат отметил наличие в Европе двух политических коалиций: с одной стороны Англии и Франции, с другой – России, Австрии и Пруссии. Он назвал причины, которые делали эти группировки непрочными.

Англо-французской коалиции мешали, по наблюдению Мустафы Решида, их соперничество в восточной политике, в том числе в Египте, и тесная связь Мехмеда Али с Францией. Этому союзу угрожали также, как заметил автор докладной записки, опасность, с одной стороны, франко-русского, с другой – англо-австрийского сближения, а также возможность присоединения к предполагаемому франко-русскому союзу Австрии, Пруссии и всех германских государств.

Русско-австро-прусской группировке, по словам Мустафы Решида, угрожали те же факторы: тайное противодействие Австрии возможному усилению России и ее восточной политике; англо-австрийское сближение, направленное против интересов России и Франции, а также отсутствие тесных политических связей между Пруссией и Россией, и ориентация прусских государственных деятелей на западные страны, а не на Россию.

Касаясь Австрии, он написал, что основное направление политики князя Меттерниха не служит всерьез истинной пользе России: "Показать себя преданным другом России, выявить ее сокровенные желания и незаметно приспособить свои действия к действиям государств – противников России, препятствовать осуществлению надежд России через посредство этих государств – вот позиция князя Меттерниха!"³⁵.

Австрия в те годы действительно не доверяла восточной политике России, хотя опасения князя Меттерниха, казалось бы, и были успокоены Мюнхенской конвенцией (18 сентября 1833 г.) и заверениями царя на Мюнхенском конгрессе ничего не предпринимать в Османской империи без морального посредничества Австрии (в случае, если там сложится обстановка, требующая по условиям Хюнкяр-Искелессийского договора вмешательства России).

Судя по изложению Мустафой Решидом высказываний Меттерниха, последний внешне ничем не обнаружил своего недружелюбного отношения к России. Однако Мустафа Решид был о нем осведомлен и справедливо заметил, что в случае общей войны Австрия не будет союзницей России, хотя, возможно, останется ее сторонницей³⁶. "Рост богатства и силы России будет пагубным для Австрии и не будет соответствовать желанию австрийцев", – заметил он. Основываясь на анализе русско-австрийских отношений и своих

наблюдениях, Мустафа Решид высказал предположение о наличии тайного англо-австрийского союза, заключенного в качестве противовеса предполагаемому русско-французскому сближению³⁷.

Представляет интерес тот факт, что спустя три года, в 1840 г., русский поверенный в делах в Вене князь А.М.Горчаков оценил прочность австро-русского союза почти теми же словами, которые употребил Мустафа Решид в 1837 г. Горчаков писал, что сомневается в прочности союза с Австрией и что в случае войны, "все, что мы можем ожидать от него, это соблюдение нейтралитета"³⁸.

Очевидно, что подчеркивание Мустафю Решидом наличия австро-русских противоречий было сделано им с целью настроить султана против союза с Россией, доказать ему, что Россия не так уж и сильна, так как Австрия не является ее искренней союзницей.

Мустафа Решид предусмотрел и такую возможность, при которой русско-французский союз может стать состоявшимся фактом. Тогда к этому союзу должны были бы присоединиться Австрия, Пруссия и все германские государства, а Англия осталась бы в изоляции. Мустафа Решид заметил, что такая ситуация весьма отрицательно сказалась бы на положении Османской империи. Анализируя эту возможность, министр иностранных дел перечислил все факторы, которые, по всей видимости, должны помешать русско-французскому союзу: обязательства европейских держав перед свергнутой королевской династией Бурбонов и как следствие – отрицательное отношение Николая I к царствующему во Франции Луи-Филиппу, неприязнь французского населения к России, естественные и тесные связи английского и французского населения, основанные на территориальной близости и торговых отношениях.

Далее автор записки подверг рассмотрению отношение всех европейских государств к Мехмеду Али, отметив особую симпатию к нему французов. Говоря в связи с этим об Англии, Мустафа Решид утверждал, что ныне можно ожидать ее совершенного согласия на осуществление определенных мер для изменения существующего положения между султаном и губернатором Египта, так как Англия разочарована внешней политикой Мехмеда Али и опасается его связей с Россией³⁹.

Заканчивая докладную записку, Мустафа Решид заметил, что в связи со сложной международной обстановкой необходимо осуществить ряд внутренних преобразований, чтобы повысить престиж государства и расположить к себе общественное мнение Европы, подобно тому, как это сделал Мехмед Али. Среди упомянутых в записке реформ названы расширение военного ведомства, учреждение военной школы, увеличение количества войск и его вооружения, совершенствование системы ильтизама (=системы откупов сбора налогов), установление карантинных пунктов, строительство местных фабрик и приглашение для этого специалистов из Европы, увеличение производства местных товаров, в том числе для продажи за границу, и уменьшение европейского экспорта в Османскую империю.

Мустафа Решид назвал в докладной записке не весь комплекс намечавшихся им в то время реформ. Очевидно, это нужно объяснить характером лаяхи, посвященной в основном внешнеполитическим проблемам. Упоминание внутренних реформ в этом документе было связано прежде всего с тем, что новый министр хотел подчеркнуть их внешнеполитическое воздействие для поднятия престижа государства.

Чтобы ускорить осуществление реформ султаном и Портой, Мустафа Решид ссылаясь на общественное мнение европейцев и писал, что реформы, уже осуществленные, "одобрены и признаны всей Европой", а против системы ильтизама, практикуемой в Османской империи, "возражают все европейцы." Мустафа Решид знал, что в те годы, когда султан Махмуд II более всего желал унижения своего восставшего вассала, общественное мнение Европы, от ко-

торого в определенной степени зависела судьба решения египетской проблемы, безразлично для султана и является сильным аргументом, который может побудить его осуществлять преобразования более энергично. Говоря о необходимости учредить карантин на всей территории Османской империи, он написал, что наличие карантинных пунктов только в таких "заурядных" провинциях Османской империи, как Валахия, Молдавия и Сербия, невыгодно с политической точки зрения, как будто отличая их от других территорий Османской империи⁴⁰.

Докладная записка министра иностранных дел Османской империи относится к периоду обострения взаимных противоречий европейских держав на Востоке, вызванных более всего усилением позиции России в Турции, которое последовало за заключением двустороннего русско-турецкого Хюнкяр-Искелесийского договора 1833 г.

Присоединение Османской империи к европейской дипломатической системе в 1834 г. позволило Порте быть в курсе международных проблем и использовать противоречия европейских держав (которые были наиболее острыми в тридцатые годы между Россией и Англией) для благоприятного решения турецко-египетского конфликта (1841 г.).

Перевод докладной записки (ляльки) Мустафы Решид-паши

(с. 84) Перед смиренным отъездом из Лондона ничтожного раба⁴¹ и как раз в те дни министр иностранных дел Англии лорд Пальмерстон, конфиденциально беседуя /со мною/, говорил о ловкости и хитрости России: "Османской империи⁴² нужно, невзирая на ухищрения и запугивания той стороны⁴³, постоянно прилагать усилия к завершению военной реорганизации и благоустройству страны путем оказания помощи сельскому хозяйству и торговле. Признавая необходимым сотрудничество с Россией для благого управления, Англия в то же время и не одобрила бы холодных отношений Османской империи с Россией, хотя это неодобрение относится к вещам малозначительным. Если же Россия когда бы то ни было прибегнет к устрашению и особенно к соответствующим действиям с намерением помешать Османской империи достичь необходимого усиления или завоевать ее территории, то знайте, что английский флот готов прийти на помощь Османской империи. И хотя на сегодняшний день между Османской империей и Англией не существует по этому поводу союзнического договора, но так как принципы нашей политики основаны на условии сохранения Османской империи, то это наше намерение более основательно, чем те, которые подтверждены договорами и соглашениями; и какая бы партия ни находилась у власти, будь то тори или виги, этот принцип останется неизменным. Но и Османская империя в соответствии с /нынешним/ временем должна обращать внимание на все важные проблемы и в том числе на недостаточное укрепление нужных /военных/ объектов. Так, например, хоть и проявляется серьезная забота для укрепления пролива Средиземного моря, укрепление Черноморского пролива еще важнее и необходимее, и это нужно учитывать. Так как знающий английский инженер по долгу службы тайно выполнил и представил /английскому правительству/ карту проливов и /военных/ объектов в них, нуждающихся в укреплении, то если будут прилагаться усилия для их фортификации, я секретно пришло в Стамбул как карту, так и упомянутого инженера", – произнес он. надлежащие слова и снова коснулся (с. 85) вопроса, связанного с крепостью Варна⁴⁴, о котором недавно было письменно поставлено в известность высокое министерство внутренних дел лордом Понсонби⁴⁵. Однажды речь зашла о черкесской проблеме⁴⁶: "Хотя мы имели намерение послать в Черное море четыре или пять военных кораблей для защиты английских

торговых судов⁴⁷, курсирующих в Черном море, но так как это намерение вызвало несогласие Османской империи и так как появилась бы необходимость подавлять желание России увеличить и ее флот в Черном море, то /Англия/ отказалась от своего плана. Но для измерения глубины вод у берегов Трабзона Англия хочет послать одно военное судно и лорд Понсонби⁴⁸ собирается вести переговоры с османской администрацией об этом вопросе", – сказал он. "Османской империи во всяком случае необходимо поддерживать хорошие отношения с Австрией и еще больше привлекать ее проницательное внимание к проблеме своего сохранения и защиты, особенно путем облегчения и поддержки речной торговли с нею", – добавил он⁴⁹.

Хотя мнение вышеназванного министра относительно алжирского вопроса⁵⁰ вновь ограничилось прежними советами; не выступая в настоящее время против Франции, наблюдать за развитием событий, воздерживаясь, однако, от снятия /с себя/ обязательств /по Алжиру/, время от времени делать подходящие заявления и остерегаться таких высказываний и дачи таких обязательств, которым можно было бы придать смысл отказа от прав /на Алжир/, но, как и прежде, тон его высказываний относительно Франции был неровный⁵¹. Сказав о том, что министру иностранных дел Франции мсье Моле через английского посла в Париже лорда Гренвиля сообщено, что Англия не может благосклонно смотреть на захват Алжира Францией и в особенности на запрещение османскому флоту входить в гавань Туниса⁵², он высказал также несколько пренебрежительных слов об изменчивости французов и некоторых других их качествах.

Слухи о склонности Франции к России кроме пренебрежительных выражений лорда Пальмерстона подтверждает /ряд фактов/: имевшие место во время моего смиренного прибытия в Париж⁵³ высказывания некоторых членов французского парламента, которые издавна являются противниками России и сторонниками Османской империи: "В этом году в нашем парламенте предполагается появление многих лиц, которые будут высказываться против Англии и в пользу России, посмотрим, как это будет выглядеть и каковы мы будем"; а также то, что прежде французские министры не лишали /себя возможности/ делать намеки и предостережения, связанные как с Россией, так и Англией, теперь же относительно России они этого совершенно не делают; и что все эти слухи достоверны, подтверждает также то, что при моей ничтожной беседе с мсье Дизасом⁵⁴, компетентным в делах министерства иностранных дел Франции (с. 86), он хоть и говорил о некоторых лицах доброжелательно, но выглядел не так, как прежде; однако король Франции, чрезвычайно много говоря об искреннем и дружеском /расположении/ к его величеству – опоре халифата, произнес даже такие слова: "Если бы во время августейшего путешествия его величества шахиншаха он изъявил желание посетить Францию, то мы приложили бы все силы для выражения гордости, радости и заслуженного им высокого почтения", и проявил уважение и внимание к рабу его величества султана, находящемуся под его наделенной могуществом сенью⁵⁵. Однажды вышеназванный король сказал: "Османская империя и Франция, как бы там ни было, искренние друзья, и, бог даст, этот алжирский вопрос не сможет охладить /наши отношения/"; с моей стороны был дан надлежащий ответ: "Действительно, урегулирование этой проблемы скажется весьма благоприятно на укреплении связей между обоими государствами"; нынче в равной мере испортились отзывы английских вестей⁵⁶ о Франции и французских министров /об Англии/..

Затем, при моем нижайшем прибытии в город Беч (Вену), во время моих ничтожных бесед, состоявшихся несколько раз с князем Меттернихом, речь шла в общем о политике: "По причине совершенной независимости населения Англии и Франции в их внешнеполитической ориентации⁵⁷ не может быть постоянства и устойчивости и к ним неприменимо обычное название го-

сударства⁵⁸. Но все же Англия предпочтительнее Франции, так как конституционное устройство Англии давнее и ее население по сравнению с французским более консервативное и воспитанное, там не случается таких неблагодарных вещей, как во Франции. Но как бы там ни было, Османской империи нужно использовать их обеих; в особенности же, будучи соседом России, что по месту расположения и полезно и вредно, нужно еще больше ориентироваться на нее, так как она могущественнее других. Хотя Англия и Франция возражают против укрепления средиземноморского пролива и побуждают Османскую империю укреплять черноморский пролив и крепости на берегах Дуная, им нужно сказать: если вы наши друзья, то укрепление средиземноморского пролива не принесет вам вреда и ваша критика излишня, а если враги, то не открывайте этого без надобности. Судя по заверениям России, обращенным к Австрии, и по всем ее приемам и действиям, в настоящее время с ее стороны не исходит ничего, что заслуживало бы подозрения⁵⁹, и тратить деньги на усиление дунайских крепостей и укрепление черноморского пролива бесполезно и ненужно”, – сказал он и, выразив большую благодарность за высокое внимание, проявленное к эрцгерцогу Жаку, добавил (с. 87): “Важно и необходимо постоянно укреплять расположение и дружбу между Османской империей и Австрией”, а затем произнес надлежащие слова об алжирском вопросе: “Если время еще не благоприятствует Османской империи изгнать французов из Алжира и если еще не время благодарить их за все их действия, то нужно и остерегаться угрожать французам напрасной посылкой туда военных судов и воздерживаться от высказываний и дачи обязательств, которые содержали бы в себе отказ от прав /на Алжир/”⁶⁰.

С некоторых пор Англия и Франция действуют совместно, а Россия, Австрия и Пруссия также находятся в союзе; таким образом они хоть и стремятся сохранить европейское равновесие, но известная переменчивость Франции внушает России надежду, и это обстоятельство повергает Англию в беспокойство; и хотя князю Меттерниху явно нужно было бы радоваться обоюдной договоренности Франции и России, но основы политики князя не служат всерьез истинной пользе России. Выказав себя преданным другом России, выяснив все ее сокровенные желания и, приспособив свои действия к действиям государств – искренних противников России, препятствовать надеждам России через посредство этих государств – /вот позиция князя/. Одним словом, так как нынешнее положение Австрии весьма неподходящее для ведения войны, то в случае общей войны Австрия, хотя и не будет союзницей России, но, возможно, станет ее сторонницей, однако рост богатства и силы /России/ окажется пагубным для Австрии, а это будет противоречить взглядам ее собственного населения. Также и Франция находится в союзе с Англией, но так как в случае поражения России очевидна опасность распространения свободолюбивых идей, то обе стороны, поступая благоразумно, стремятся сохранить существующее положение; видя ныне взаимную склонность России и Франции и досадуя по этому поводу, /князь Меттерних/, с намерением защитить принцип равновесия сил в Европе, увеличил свою склонность к Англии. Это доказано его предпочтением к Англии перед Францией и заявлением Англии о необходимости торговли с Австрией и упорении дружбы между Османской империей и Австрией; кроме того, в Англии находится австрийский посол, и когда /я/ был в Лондоне, то близко и конфиденциально общался с ним, когда он (с. 88) получил временное разрешение вернуться /на родину/, я снова виделся и беседовал в Вене с князем Эстергази; конфиденциально им были сказаны справедливые слова: “Ныне между Австрией и Англией весьма хорошие отношения и ясно, что это должно быть очень полезно для Османской империи”. Этот князь Эстергази из знатных венгров, правдивый человек и безусловно весьма расположен к

Османской империи, что опять-таки подтверждает смысл сказанного им. Внешнеполитическая ориентация Пруссии как внешне, так и в сущности не связана с Россией, и хотя всей Европе известно совершенное расположение прусского короля, его семьи и родственников к России из-за близкого родства / с императорской фамилией/, но министры и в особенности ее народ не расположены к России и, напротив, близки к ее противникам; и хотя Англия открыто, а Австрия тайно действуют вопреки ее очевидным усилиям, но если Россия совершенно договорится с Францией, и если между ними будет заключен союзный договор, то как Австрия, так и Пруссия, хотя они того или нет, должны будут вступить в этот союз, а из мелких германских государств Бавария и Вюртемберг и сейчас являются совершенными сторонниками России, и ясно, что и другие /германские государства/ тоже будут заодно с ними, и тогда Англия, оставшись одна, каково бы ни было превосходство ее морских сил над всеми другими государствами, ничего не сможет сделать, кроме как защитить свою собственную территорию, и тогда ясно, что Османская империя окажется в трудном положении. Но здесь утешительно то, что кроме естественной неприязни населения Франции к России, между ним и Англией из-за географической близости и торговых отношений существует истинная дружба и тесные связи, поэтому ясно, что вышеназванный король не сможет легко осуществить свое намерение /сблизиться с Россией/, хотя он для собственной пользы и учитывая, что Россия, Австрия и Пруссия не отказались от поддержки свергнутой королевской династии Франции⁶¹, и в надежде заставить их отказаться от этого обязательства, прилагает огромные усилия, чтобы договориться с Россией, и даже желание отдать замуж свою вторую дочь за князя из королевской семьи Вюртемберга, который долгое время находился на отдыхе в свите русского императора и вернулся из России, и женить своего сына герцога Орлеанского на дочери герцога Мекленбургского, находящегося в родстве с вышеназванным императором /Николаем/⁶², основано на тайном намерении добиться собственной цели. Но ввиду того (с. 89), что упомянутый король человек весьма трезвый, а все его сотрудники стремятся пройти в парламент, пользуясь тем, что векили /французского/ народа, называемые депутатами, /постоянно/ меняются, то не исключено, что они смогут постепенно изменить мнение нации; и одна из самых давних задач турецкого посольства в Париже состоит в том, чтобы в совершенстве знать характер и обстоятельства /дел/ французов и не прекращать осуществление весомых и тайных мер в этом направлении, /препятствующих сближению Франции с Россией/.

Губернатор Египта вследствие свойственных ему скверных качеств будучи постоянно занят различными смутами и кознями, тайно и явно, хитростью и обманом стремится привлечь симпатии европейцев и мнение каждого из европейских государств в этом вопросе различно; и хотя общая склонность к нему французского народа, являющаяся коварным результатом зерна интриги, которое он некогда посеял во Франции, заметно понизилась благодаря расположению к славной благословенной опоре халифата его величеству султану, но не состоит ли тайное намерение французского государства в том, чтобы не вынудить этого субъекта склониться к Англии или не толкнуть его полностью в руки России? Как бы там ни было, не отказывая в покровительстве и помощи, /Франция/, пожалуй, подают ему надежду, и если она узнает о согласии князя Меттерниха с Англией, то не будет невероятным даже ее стремление помочь его непопулярным чаяниям /провозгласить независимость Египта/. Но если Англия некогда была введена в заблуждение хитростью и лживыми заявлениями этого субъекта и думала, что он будет некоторого рода оплотом против России⁶³, то теперь она поняла истинное положение; и так как она особенно не может смириться со связью

этого субъекта с Францией и с его искренней договоренностью с Россией, и так как Англия хорошо понимает, что если осуществится намерение России оказать поддержку Мехмеду Али и этим разъединить силы Османской империи и завоевать Иран и захватить Индию⁶⁴, и что Россия имеет тайное намерение, владея Египтом, оказывать оттуда определенного рода помощь Персии и уничтожить там опасное для себя сопротивление, то нынче /Англия/ питает ненависть /к России/ и даже способна ее уничтожить; но если прежде, как она неоднократно заявляла, опасность вмешательства России и отсутствие согласия Франции /на изменение существующего положения между султаном и Мехмедом Али/ мешали делу, то ныне по милости божьей ожидается получение полного согласия Англии на осуществление некоторых внутренних и внешнеполитических мер при покровительстве его величества султана⁶⁵. И если когда-либо во время беседы лорд Пальмерстон, предположим, скажет (с. 90), что в случае посылки английского флота в Египет будет трудно добиться согласия английского парламента на имеющие быть в связи с этим расходы, хотя он сам и убежден в опасности /этого шага/ с политической точки зрения, но ясно, что вопрос о расходах не будет оговариваться, а если, допустим, и будет, то при условии обязательства со стороны Османской империи погасить вышеуказанные расходы, сказать будет нечего. В то время как Россия оказывает поддержку этому субъекту так, как было описано, Австрия, хоть и не имеет с Мехмедом Али ни морских, ни сухопутных сношений, старается сохранить настоящее положение, то есть и не выступает против Мехмеда Али и не помогает его непопулярному стремлению, что /нужно объяснить/ опасением перед новым вмешательством России. Внешнеполитическая ориентация прусского короля⁶⁶ в точности соответствует внешнеполитической ориентации России, в то время как векили ориентируются на Австрию, в этом нет сомнения.

И так как убеждения великих держав по отношению к этому субъекту таковы, и он с коварной душой и нечистым телом будет постоянно стремиться к осуществлению беспорядков и гнусных поступков, Османской империи необходимо не только серьезно думать о средствах против этого, но так как, по мнению европейцев, ныне нельзя и касаться египетской проблемы, в чем они ссылаются на необходимость ожидать смерти этого субъекта, то если теперь не предпринимаются необходимые меры, то, когда упомянутый издохнет, вероятно появление новых трудностей, что /вызывает необходимость/ постоянно размышлять и строить предположения по поводу этой проблемы.

В соответствии с вышеописанными обстоятельствами, то есть стремлением России привлечь Францию и дискуссионным состоянием египетской проблемы, Османской империи важно и необходимо приступить /к осуществлению/ широких внутренних и внешних мероприятий, так что да ниспослет наш всевышний бог нескончаемую жизнь и благополучие его величеству шахиншаху – знаку величия; высокая царская милость, направленная на упорядочение во внутренней и военной областях, признана всей Европой, также одобрены и признаны организация и личная храбрость преобразованного султанского войска; так как могущественный славный сераскер паша⁶⁷, /обладающий/ полным достоинством хорошим воспитанием, покровительствуемый всевышним, патриотизм, проникательность и знания которого избавлены от возражений, молод и расположен к реформам, то вся Европа ожидает осуществления необходимых /новшеств/, начиная с расширения важных функций ведомства сераскера, основания военной школы и других ветвей упорядочения; (с. 91), но так как прошло еще не очень много времени с начала упорядочения, то знания /теперешних/ военных офицеров в военных науках, где обучение требует долгого времени, не являются совершенными, и ясно, что в этом деле может быть нужно стремиться привлекать и использовать знающих лиц из Европы до того момента, пока, по милости божьей, в уже осно-

ванных и имеющих быть основанными школах не будут воспитаны знающие офицеры; и так как очевидно, что предположение Англии о вмешательстве России в египетские дела исходит также из соображений /о военной слабости Османской империи/, то важно учитывать необходимость решения вопроса /о преобразованиях/, чтобы заставить европейцев отказаться от своих опасений.

В случае использования английских офицеров безусловно будет нанесен ущерб французской /системе/ обучения, которая практиковалась до сего дня в войсках низама⁶⁸; но в морском деле использовать /англичан/ необходимо; если будет признано необходимым привлечь нужное число лиц из Франции для сухопутной службы и если Россия будет возражать против использования французов, ссылаясь на их свободомыслие и республиканский образ правления, то ведь не все французы неподходящие люди и даже в собственной русской армии есть французские генералы, а в школах и на фабриках – французские служащие и самый известный из /русских/ послов в Европе Пошо ди Борго также француз по происхождению; важно рассмотреть эту проблему, так как ясно, что в то время как в ее флоте имеется столько англичан, /возможное/ возражение /России/ против такого полезного для Османской империи мероприятия /будет/ основано на недоброжелательности⁶⁹; и вышеупомянутый сераскер-хазретлери⁷⁰ при покровительстве его величества – опоры халифата является человеком решительным; ранее, когда слуги его были в Лондоне, он затребовал /нужное для школы/ оборудование, сообщив его перечень; и так как строительство военной школы, которая является средоточием многочисленных польз, откладываемое до сих пор по неизвестной причине, должно привлечь внимание Европы, то это один из важных вопросов, требующих скорейшего рассмотрения. И хотя против системы ильтизама⁷¹, практикуемой в Османской империи, возражают все европейцы, но высокое обновление, которого, слава богу, достиг великий государь в кольчуге милосердия, всем внушает надежду, что и это правило найдет хорошее применение, /как ему было присуще/ ранее в великие времена⁷², и так как по милости божьей уже ни у кого не осталось возможности протестовать против осуществляющихся внутренних преобразований, то несомненно, что это окажет значительное влияние как на египетскую проблему, так и вообще на все политические вопросы. И (с. 92) хотя начинания, содержащие это похвальное направление, еще осуществляются, но день за днем Османская империя становится благоустроенней и обильней, а все население довольным и счастливым, и каждый /ее подданный/, к какому бы миллету⁷³ ни принадлежал, не обращает внимания ни на чьи подстрекательства, откуда бы они ни исходили, и всегда будет участником на пути повиновения; и так как эти добрые вести склонят в совершенно другую сторону: население Сирии и усилят его враждебность к египтянам, и так как в дополнение к душевным силам, порожденным преобразованиями, могущественный Хафиз паша прилагает старания увеличить и усилить войско низама, находящееся в его распоряжении, то в случае как смерти губернатора Египта, так и любых действий /османского/ правительства, могущих случиться/ до нее и вызванных необходимостью, надеюсь и молю о милости божьей, чтобы произошла внезапная смута в египетских землях⁷⁴. Карантинны являются самым важным /фактором/ увеличения населения, процветания страны и содействия торговле и путешествиям и потому необходимо обратить внимание как на эту проблему, так и на строительство местных фабрик для изготовления товаров, /ныне/ в большом количестве привлекаемых из Европы, и на проблему приглашения европейских специалистов для производства необходимых предметов. Так как каждый район в Европе охраняется благодаря карантинам, а Османская империя остается в прежнем положении, то все французы жалуются на затруднения в торговле и путешествиях, и некоторые лица считают это одной из причин разобщенности /Османской

империи и Европы; и кроме потерь, имевших место некоторое время тому назад по причине эпидемии, карантинны, установленные в Валахии, Молдове и Сербии⁷⁵, как будто отличают эти заурядные страны от Османской империи и так как с политической точки зрения этот вопрос является весьма неприятным, то необходимо прилагать усилия для отыскания путей к его решению; подобно этому очевидно, насколько вредной является покупка товаров за границей; заставить ее пресечь в пределах, находящихся под сенью обновления его величества, и напротив, стремиться продавать иностранцам все товары Османской империи – важный принцип процветания /государства/.

В соответствии с изложенными обстоятельствами и обсужденными фактами ясно, что из двух видов мероприятий, которые будут осуществляться Османской империей, результат внутренних мероприятий скажется названным образом; внешние же мероприятия будут зависеть от наличия послов Османской империи /на территории/ великих держав, но нынешнее положение из-за особой склонности между Россией и Францией и из-за необходимости убедить и успокоить Европу, в случае если произойдет одно из двух – либо смерть Мехмеда Али, либо возможность еще ранее предпринять некоторые меры, /требуется/ всесторонне продумать эти внешние мероприятия...

Султан Махмуд приказал тщательно изучать и всесторонне обсудить содержание докладной записки Мустафы Решида⁷⁶.

П р и м е ч а н и я

¹ Д. Г. Р о з е н. История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата 1856 года. Ч. 1. СПб., 1872, с. 35; J.C. Hurewitz. The europeanization of ottoman diplomacy: the conversion from unilateralism to reciprocity (1835-1876). – "Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 2. М., 1963, с. 455; R. Uplat. Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri. Ankara, 1968, с. 20.

² См.: Н. А. Д у л и н а. Изменения в османской дипломатии (тридцатые годы XIX в.). – "Туркологический сборник. 1973". М., 1975, с. 62–81.

³ Н. С. К и н я п и н а. Внешняя политика России в первой половине XIX века. М., 1963, с. 175–176, 183–184; Ş. Altundağ. Kavalalı Mehmet Ali paşa isyanı. Mısır meselesi 1831-1841. I. kısım. Ankara, 1945, с. 150; E.Z. Karal. Osmanlı tarihi. С. 5. Ankara, 1956, с. 136.

⁴ Хюнкяр-Искелесийский договор гарантировал безопасность султанской Турции от нападения Мехмеда Али. Кроме того Россия значительно уменьшила сумму контрибуции, которую должна была выплатить Османская империя по Адрианопольскому договору, сократила срок оккупации Дунайских княжеств.

⁵ Все же до конца 30-х годов XIX в. Порты проявляла заинтересованность в сохранении Хюнкяр-Искелесийского договора с Россией, считая его для себя выгодным. См.: Р. Каунар. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954, с. 150 (докладная записка совета министров султану, без даты, 1839).

⁶ E. Kuran. Cezayirin fransızlar tarafından işgali karşısında osmanlı siyaseti (1827-1847). İstanbul, 1957, с. 35-37; Каунар, с. 65 (посольское донесение Мустафы Решида, без даты, 1834 г.)

⁷ Каунар, с. 65 (донесение Мустафы Решида из Парижа, без даты, 1834 г.)

⁸ См. выше, прим. 6.

⁹ См. выше, прим. 5.

¹⁰ Подлинник документа хранится в частной коллекции издателя вышеназванного сборника (см. прим. 5) Решада Кайнара (Каунар, с. 84), опубликован им впервые (с. 84–93). Документ не датирован. Но он написан, как вытекает из слов Мустафы Решида (Каунар, с. 92; с. 42 наст. статьи) до начала восстания в Сирии, которое произошло осенью 1837 г. Следовательно, Мустафа Решид подал свою докладную записку сразу после приезда в Стамбул, видимо, в сентябре 1837 г. До сих пор документ не привлекал внимания специалистов.

¹¹ Мустафа Решид был назначен на должность министра иностранных дел в июне 1837 г.

¹² См.: Розен, 1, с. 140; Kuran, с. 14-25.

¹³ F.E. Bailey. British policy and the Turkish reform movement. Cambridge, 1942, с. 167; F.S. Rodkey. The Turco-Egyptian Question in the relation of England, France and Russia, 1832-1841.

- «University of Illinois studies in the social sciences». Vol. 11, No. 3-4. Illinois, 1924, с. 67.
Первая попытка, очевидно, имела место в 1834 г. См.: Розен, 1, с. 239.
- 14 См.: М.С. Baysun. Mustafa Reşit paşanın siyasi yazıları. - "İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih dergisi". No 14, İstanbul, 1959, с. 65-70 (донесение Мустафы Решида 14 октября 1836 г.); № 15, 1960, с. 137-138 (донесение Мустафы Решида 29 января 1837 г.). См. также: Bailey, с. 167.
- 15 Baysun, № 17-18, 1963, с. 183-185 (донесение Мустафы Решида 10 августа 1837 г.).
- 16 Розен, 1, с. 293.
- 17 См.: С. С. Татищев. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 414-415; см. также: Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 12. СПб., 1898, с. 73; Б. Э. Нольде. Внешняя политика. Исторические очерки, Пг., 1915, с. 80.
- 18 Среди них сераскер Хосрев паша, капудани дарья (=адмирал) Ахмед Февзи паша, министр внутренних дел Акиф паша.
- 19 История дипломатии, Т. 1. М., 1959, с. 563.
- 20 Kaуnаr, с. 90. Опасения Англии относительно якобы имевших место агрессивных намерений России по отношению к Индии имели место. См.: История дипломатии, 1959, с. 558-559.
- 21 Мартенс, Т. 4, ч. 1, с. 438; см. также: А. В. Фадеев. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, с. 327-329.
- 22 АВПР, ф. Канцелярия, д. 102, л. 38, Нессельроде-Бруннову, 1 февраля 1840 г.; Н. Н. Муравьев (Карский). Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Ч. 2. М., 1872, с. 206-207; С. Горьяинов. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, с. 44, 55-56; Розен, 1, с. 251; Татищев, с. 510.
- 23 Об отсутствии у России намерения завоевать Индию см. работы советских и русских историков: О. И. Жигалина. Концепция "среднеазиатского вопроса" в английской историографии 40-50-х гг. XIX в. - "Народы Азии и Африки", 1973, № 4, с. 128-132; Мартенс, т. 12, с. 74-76; О. Ф. Соловьев. К вопросу об отношении царской России к Индии в XIX - начале XX в. - "Вопросы истории", 1958, № 6, с. 96-109; Е. Л. Штейнберг. Английская версия о "русской угрозе" Индии в XIX-XX вв. - "Исторические записки", 1950, № 33, с. 47-66. О русско-иранских отношениях в первую половину XIX в. см.: История стран Азии и Африки в новое время, М., 1971, с. 205-209; Новая история стран зарубежной Азии и Африки. Л., 1971, с. 140-146.
- 24 Kaуnаr, с. 89.
- 25 Tarihi Lutfi. С. 6. İstanbul, 1302, с. 165; Kaуnаr, с. 194-195.
- 26 В. А. Георгиев. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х - начале 40-х годов XIX века. М., 1975, с. 74.
- 27 См., например, Татищев, с. 399; Rodkey, с. 56; А. Дебидур. Дипломатическая история Европы. Т. 1. М., 1947, с. 340.
- 28 Известно одно исключение - беседа Пальмерстона с Мустафой Решидом в Лондоне 10 августа 1837 г. См.: Baysun, № 17-18, с. 183-185 (докладная записка Мустафы Решида Порте).
- 29 Kaуnаr, с. 392-393.
- 30 Пальмерстон-Мельборну, 23 июня/5 июля 1840 г. (цит. по: Татищев, с. 475).
- 31 Там же, с. 475.
- 32 Kaуnаr, с. 158.
- 33 Там же, с. 89.
- 34 См.: Е. Н. Кушева. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е гг. XIX в. - "Исторический сборник". З. Л., 1934, с. 139-141.
- 35 Kaуnаr, с. 86.
- 36 Это подтвердилось во время Крымской войны. См.: Е. В. Тарле. Крымская война. Т. 1. М.-Л., 1950, с. 9, 251.
- 37 Kaуnаr, с. 87-88. Ср. Киняпина, с. 196.
- 38 См.: Татищев, с. 404.
- 39 Kaуnаr, с. 89.
- 40 Карантинны в этих провинциях были учреждены русской администрацией во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг.
- 41 "Ничтожный раб" - автор докладной записки Мустафа Решид бей; время его отъезда из Лондона в Стамбул для принятия поста министра иностранных дел - вторая половина августа 1837 г.

42 Различные наименования Османской империи, такие как *Devleti Aliyye* (Высокое государство), *Saltanatı Seniyye* (Высокий салтанат), *Memaliki Mahrusa* (Богохраняемая страна), *Memaliki Devleti Aliyye* (Страна Высокого государства) – переведены как Османская империя.

43 "Той стороны" – России.

44 Очевидно, речь шла об усовершенствовании оборонительных сооружений Османской империи, в которых был заинтересован Пальмерстон. Он лично наметил детальный план эффективных фортификаций Варны. См.: F.S. Rodkey. Lord Palmerston and the Rejuvenation of Turkey, 1830-1841. – "The Journal of Modern History". 1929, No. 4, с. 583.

45 Лорд Понсонби – английский посол в Стамбуле с 1833 по декабрь 1841 г.

46 Земли "черкесов" (горцев Кавказа) по Адрианопольскому миру отошли к России, но местное население упорно этому сопротивлялось. Благодаря заключению Хюнкяр-Искелесийского договора враждебные действия Турции на кавказской границе почти прекратились. Вместе с тем активизировалась деятельность английской дипломатии, которая не хотела мириться с ослаблением своих позиций в Турции после 1833 г. и попыталась взять реванш на Кавказе. Британская дипломатия стала добиваться пересмотра 4-й статьи Адрианопольского трактата, предоставлявшей России право владения черноморским побережьем Кавказа. В декабре 1836 г. русские военные корабли захватили английское судно, вынужденное из-за бурь войти в гавань Суджуккале, в котором под грузом соли находилось оружие. Этот эпизод чуть было не послужил поводом к началу англо-русской войны в апреле 1837 г. Порта сумела в этом конфликте сохранить нейтралитет. См.: С.Бушув. Англо-русский инцидент со шхуной "Виксен". – "Красный архив". № 5 (102). М., 1940, с. 189-238; История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. 4. М., 1967, с. 499-500; Н. С. К и н я п и н а. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. – "Научные доклады высшей школы. Исторические науки". 1958, № 2, с. 48; Мартенс, т. 12, с. 62-66.

47 Здесь и далее слова Пальмерстона.

48 Лорд Понсонби – английский посол в Стамбуле с 1833 по декабрь 1841 г.

49 Этот совет Пальмерстона об укреплении дружественных связей Османской империи с Австрией послужил Мустафе Решиду одним из оснований его вывода о том, что между Англией и Австрией в то время осуществлялись секретные переговоры о союзе, направленном против России и Франции, стремившихся также, по словам Мустафы Решиды, вступить в сепаратный союз между собой. Действительно, в 30-е годы усилия Англии и Франции были направлены на создание антирусской коалиции европейских держав. С этой целью английское правительство пыталось использовать русско-австрийские противоречия на Востоке, чтобы оторвать Австрию от союза с Россией (см.: Киняпина. Ункяр-Искелесийский договор, с. 38-39; Мартенс, т. 4, ч. 1, с. 478; Татищев, с. 404). О возможности франко-русского союза в 30-е годы XIX в. см. выше, введение к переводу.

50 Алжирский вопрос для Османской империи в 30-40-е годы XIX в. состоял в попытках вернуть Алжир, оккупированный Францией в 1830 г., путем использования взаимного соперничества великих держав во внешнеполитических вопросах. См.: Розен, 1, с. 140, 243-244; M.C. Baysun. Cezayir meselesi ve Resid paşanın Paris elçiliği. – III. Türk Tarih Kongresi. Ankara, 1948, с. 6-8, 11; E. Kuran. Fransanın Cezayire Tecavüzü (1827). – İstanbul Üniversitesi Edebiyat fakültesi Tarih dergisi. С. 3, No. 5-6. İstanbul, 1953, с. 53-62; Kaynar, с. 546-555 (посольские донесения Мустафы Решиды из Парижа в 1842-1845 гг.).

51 "Неровность" отношения Пальмерстона к Франции в 30-е годы, отмеченная Мустафю Решидом, обуславливалось тем, что Англия была явной противницей не только захвата Францией Алжира, но и всей ее средиземноморской и восточной политики. В то же время Англия старалась укрепить союз с Францией, чтобы действовать вместе с нею против восточной политики России.

52 Франция протестовала против посещения османским флотом берегов Туниса и Триполи, находившихся под верховной властью султана, ссылаясь на то, что появление османских судов побуждает к восстанию против Франции алжирские племена. Протесты Франции имели место летом 1836 и в августе 1837 г. (см.: Розен, с. 282-284) В это время Порты действительно пыталась направить флот в Тунис, чтобы тайно оказать вооруженную помощь бею города Константины Ахмеду, возглавлявшему один из очагов вооруженного сопротивления французской оккупации (см.: Kuran, Cezayirin Fransızlar tarafından, с. 35, 60).

53 Мустафа Решид впервые прибыл в Париж в качестве турецкого посла в сере-

дине сентября 1834 г., вторично – в конце сентября 1835 г. К какому времени относится замечание здесь – неясно.

54 Дизас – высокопоставленный чиновник министерства иностранных дел Франции в 30-х годах XIX в. (см.: Каунар, с. 140, повеление султана о посольстве Мустафы Решида паши в Англию, без даты, 1839 г.). Французское написание – Desazes.

55 Т.е. к Мустафе Решид бегю.

56 Векиль – министр (арабск.).

57 Слово “система” (usul) в XIX в. означало внешнеполитическую ориентацию. См.: А.Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар. М., 1948, с. 159.

58 Здесь и далее слова Меттерниха.

59 По-видимому, Меттерних здесь имеет в виду и обещание Николая I, данное им Меттерниху вскоре после заключения Хюнкяр-Искелессийского договора на Мюнхенском конгрессе, не предпринимать никакого вмешательства в турецкие дела без посредничества Австрии. См. выше, введение к переводу.

60 Высказывание Меттерниха закончено. Далее слова Мустафы Решида.

61 Т.е. династии Бурбонов. Во Франции сторонники свергнутого Карла X (карлисты) после его смерти, случившейся в изгнании в ноябре 1836 г., мечтали о возвращении на французский престол внука Карла X. Это тревожило царствующего Луи-Филиппа.

62 Здесь Мустафа Решид сообщает о династических браках, которыми Австрия и Пруссия стремились примирить Николая I с царствующим во Франции Луи-Филиппом – “королем баррикад”. Один из браков, о которых говорит Мустафа Решид, упоминает С.С.Татищев (с. 35). О политике Австрии и Франции в связи с династическими браками см.: Дебидур, т. 1, с. 362, 370, 372, 377. “Сто лет тому назад все еще крупную роль в мировой политике играли династические интересы, подчас путавшие карты политиков-профессионалов” (К. Б. Виноградов. Позиция европейских держав в начале балканского кризиса 70-х годов XIX в. – Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, с. 117).

63 Эти слова Мустафы Решида являются одним из свидетельств того, что Англия не с самого начала турецко-египетского конфликта была сторонницей султана и противницей Мехмеда Али. Об отношении Англии в первую половину 30-х годов XIX в. к турецко-египетскому конфликту см. выше, введение к переводу.

64 См. выше, прим. 23.

65 О политике Англии в турецко-египетском конфликте во вторую половину 30-х годов XIX в. см. выше, введение к переводу.

66 В тексте – королевы (kraliçe), что является ошибкой: в Пруссии с 1797 по 1840 г. царствовал Фридрих-Вильгельм III.

67 Сераскер паша – главнокомандующий. Им в то время был Хафиз паша.

68 Низам – регулярная армия.

69 Об отношении России к проблеме использования инструкторов в турецкой армии см.: Татищев, с. 406–407.

70 Хазрет (хазретлери) – почетный титул, добавляемый к имени пророков, султанов, пашей.

71 Система ильтизама – сдача государством сбора налогов на откуп.

72 Годом позднее, в 1838 г. по инициативе Мустафы Решида паши была сделана попытка осуществить перепись населения и имущества для уточнения суммы причитающихся налогов и отмены ильтизама. Попытка закончилась неудачей. См.: “Takvimi Vekayi”, No. 169, 16 semaziyetevvel, 1254 (турецкая газета “Календарь событий”, 8 июля 1838 г.) (цит. по Каунар, с.116–118).

73 Миллет – в современном турецком языке – нация. В 1837 г. словом “миллет” в Османской империи обозначали общины, сформированные по территориально-религиозному принципу. Система миллетов в XIX в. способствовала формированию национального самосознания у покоренных турками народов.

74 Восстание в Сирии против Мехмеда Али началось в конце 1837 г. (История XIX века. Под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. Т. 4, М., 1906, с. 243). Фраза о смуте в египетских землях позволяет датировать докладную записку Мустафы Решида последней четвертью 1837 г., т.е. временем между датой его прибытия в Стамбул (сентябрь 1837 г.) и началом восстания в Сирии.

75 Карантин в этих провинциях Османской империи были учреждены русской администрацией после русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

76 Каунар, с. 94 (резолюция султана на докладной записке).